

DOI: 10.15372/HSS20170118
УДК 94(571.1/.5)"1914/1918"

Д. О. НИКУЛИН

**ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ИНЫЕ ПРОСТУПКИ ЛИЧНОГО СОСТАВА
38-ГО СИБИРСКОГО СРЕЛКОВОГО ЗАПАСНОГО БАТАЛЬОНА (ПОЛКА)
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630128, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматриваются дисциплинарные и иные проступки личного состава тыловых сибирских подразделений в годы Первой мировой войны на примере 38-го Сибирского стрелкового запасного батальона (полка). В качестве источников используется документация указанной части, в которую вошли и приказы вышестоящих инстанций. Кроме того, рассматриваются нормативные документы того времени, в частности, Устав дисциплинарный и Воинский устав о наказаниях. К нарушениям относились самовольные отлучки, побеги из маршевых рот, нарушения воинского «благочиния». Наказания главным образом сводились к дисциплинарным взысканиям и отдаче под суд. Автором предпринята попытка выявления эффективности используемых мер.

Ключевые слова: дисциплина, нарушения, наказание, Сибирь, армия, тыл, Первая мировая война, маршевая рота, взыскание, суд, запасной батальон (полк).

D. O. NIKULIN

**DISCIPLINARY AND OTHER VIOLATIONS OF THE PERSONNEL
OF THE 38TH SIBERIAN RIFLE RESERVE BATTALION (REGIMENT)
DURING THE THE FIRST WORLD WAR**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630128, Russia

The problem of the role of Siberia in the First World War of 1914–1918 received less attention than the war political aspects or the combat operations course, including the participation of Siberian divisions. Due to the fact that Siberia was a rear region this role was reduced to conscript and train the replenishment for the army. At the same time, soldiers in the rear often committed various wrongdoings followed by punishment, as well as at the front. Apart from unauthorized absences and disrespect to the seniors, usual for all kinds of troops, there were specific ones manifested during replenishments delivery to the front.

The issue of disciplinary problems in the army were somehow elucidated in a large number of historical studies, and adequately disclosed both in the whole Russia, and particularly with regard to the front-line situation. The most studied type of violation, without any doubt, was the desertion. However, the situation in the rear did not cause the same interest among researchers.

The article objective is to characterize disciplinary and other misconducts of Siberian recruits and penalties for them evidently for soldiers of the chosen battalion (regiment), as well as to identify factors contributed to disciplinary violations committed in the unit. The study is guided by the principles of fairness and historicism, and apply scientific techniques of cognition (methods of analysis and synthesis, etc.).

The article marks factors that contributed to the development of disciplinary problems in the rear, which are the officers' staff, deferred sentences, specific features of the military legislation in the rear. It also presents the assessment of the regiment command activity, the situation has been recognized as satisfactory.

Key words: discipline, violations, punishment, Siberia, army, rear, First World War, marching company, penalty, court, reserve battalion (regiment).

Даниил Олегович Никулин – магистр истории, аспирант, Институт истории СО РАН, e-mail: nikdanya@mail.ru.
Danil O. Nikulin – Master of History, Postgraduate, Institute of History SB RAS.

В настоящее время Первой мировой войне уделяется все больше внимания со стороны исследователей, а недавний 100-летний ее юбилей усилил интерес к ее событиям. Освещению роли Сибири в войне уделено внимания значительно меньше, чем политическим аспектам войны или боевым действиям, в том числе с участием сибирских подразделений. Главной функцией сибирского тыла была подготовка пополнения для действующей армии. При этом здесь солдатами нередко допускались различные нарушения, наказываемые командирами. Помимо обычных для всех видов войск самовольных отлучек и проявлений неуважения к старшим по званию, совершались и специфические – при доставке пополнения на фронт.

Дисциплинарные проступки в действующей армии так или иначе затрагивались в исторических исследованиях: в основном рассматривались случаи самоуправства офицеров, проявления ими излишней жестокости; при этом проступкам солдат уделялось меньше внимания. Такая тенденция была свойственна советской исторической науке в целом. Так, в 1926 г. в воспоминаниях А. Пирейко были опубликованы сведения о чрезмерных телесных наказаниях: «Стали пороть солдат розгами за самый мельчайший проступок... Но цели эта порка не достигала» [1, с. 27]. В 1929 г. М.И. Ахун и В.А. Петров писали, что «в армии господствовал преступно-пошлый взгляд на солдата как на “пушечное мясо”» [2, с. 19]. Дезертирство оправдывалось тем, что «солдат, только что взятый от сохи или от станка, чуждый воинской дисциплины, бежит и от палки капрала, и от пули неприятеля» [2, с. 34].

Проблему дисциплины в сибирских гарнизонах первым затронул А.Н. Баталов в своей книге «Борьба большевиков за армию в Сибири». Он также позиционировал солдат пострадавшей стороной: «Солдатская жизнь в сибирских гарнизонах была невероятно тяжелой..., пользуясь отдаленностью от центра России, местные военные начальники всех рангов изощренно издевались над солдатами» [3, с. 40].

Неэффективность телесных наказаний солдат в армии в годы Первой мировой войны установил Л.А. Шайпак. По его мнению, «рукоприкладство, массовые порки и издевательства офицеров... возмущали солдат, служили одной из предпосылок формирования их революционного поведения» [4, с. 96]. Критиковал практику телесных наказаний и М.В. Оськин; более того, на примере Тульской губернской каторжной тюрьмы он показал распространенность солдатских нарушений – 4/5 ее арестантов были нарушителями военного законодательства [5, с. 57].

О сибирском тыле писал М.В. Шиловский. В 2013 г. вышла его статья «Первая мировая война и Сибирь (военная сфера): поиск новых подходов», где он намечает некоторые направления для исследования этой темы, в том числе воинской дисциплины. М.В. Шиловский отмечает, что отлучки и неявки в тылу не были массовым явлением, а носили «единичный характер» и вообще они «типичны для любой армии, формируемой на основе всеобщей воинской повинности» [6, с. 51]. В монографии «Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь» он оценил дисциплину сибирского тыла как «в пределах армейской повседневности» [7, с. 64–65]. Весьма подробно проблему дезертир-

ства рассматривает А.Б. Асташов в статье «Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны». Главной причиной неудач в борьбе с дезертирством он считает отсутствие центральных органов по борьбе с ним [8, с. 50].

Проблеме дезертирства посвящена и статья П. Симмонса, опубликованная в сборнике «Величие и язвы Российской империи». В целом он поддерживает точку зрения о неэффективности телесных наказаний; причем важным условием дезертирства считает недостаточно строгий контроль на железной дороге [9, с. 398]. В основном исследователь опирается на нормативные документы, в частности, на Воинский устав о наказаниях, что следует признать достоинством подобного исследования.

Таким образом, проблема дисциплинарных нарушений солдат в масштабах всей России, особенно применительно к фронтовым условиям, раскрыта достаточно полно. Наиболее изученным типом нарушения, без всякого сомнения, является дезертирство. Однако положение дел в тылу не вызывало у исследователей большого интереса, и представляется перспективным продолжать работу в данном направлении.

Цель данного исследования – рассмотреть на примере 38-го Сибирского стрелкового запасного батальона (преобразованного в 1916 г. в полк) дисциплинарные и иные проступки сибирских новобранцев, наказания за них, а также определить факторы, влияющие на совершение в подразделениях тех или иных дисциплинарных нарушений. В качестве источников использовались приказы по тыловым сибирским частям и подразделениям. Встречается в них и информация о дисциплинарных взысканиях, регулярно налагавшихся командиром батальона (полка), а также об итогах заседаний полкового суда, опубликованных в виде приложений к приказам. Кроме того, привлекались нормативные документы русской армии – Устав дисциплинарный и Воинский устав о наказаниях.

Хронологические рамки работы – с 1 августа 1915 г. по февраль 1917 г. – объясняются тем, что именно августом 1915 г. датируются первые архивные дела, содержащие приказы по батальону; нижняя же граница установлена в связи с тем, что дисциплинарные отношения после Февральской революции имели свою специфику и заслуживают отдельного рассмотрения. Указанный период условно можно разбить на два этапа: с 1 августа 1915 г. по 17 апреля 1916 г. и с 18 апреля 1916 г. (когда 38-й Сибирский стрелковый запасной батальон был реформирован в полк) по февраль 1917 г. В рамках первого этапа подразделение являлось батальоном, и его командир подполковник Доброхотов за неоднократные самовольные отлучки накладывал дисциплинарные взыскания, до батальонного же суда дело доходило редко – из 51 случая дисциплинарных нарушений им было рассмотрено менее десяти. На втором этапе подразделение стало полком, и Доброхотов преимущественно руководил работой суда, получившего статус полкового, а дисциплинарные взыскания стали накладывать подчиненные ему командиры батальонов.

Данные о численности рассматриваемого подразделения являются отрывочными. Известно, что 1 октября

ря 1915 г. в батальоне числилось 6230 нижних чинов¹, как отмечал в приказе Доброхотов при передислокации в г. Томск. Согласно данным Отдела военной статистики Центрального статистического управления, в декабре 1916 г. в Омском военном округе находилось 31 109 военнослужащих постоянного состава и 123 257 военнослужащих переменного состава, всего 154 366 чел². Если исходить из предположения, что здесь учтены только военнослужащие запасных стрелковых полков, а также принять, что эти полки имели равную численность, то, зная количество запасных полков округа, можно вычислить примерную численность 38-го Сибирского стрелкового запасного полка в декабре 1916 г. – 7700 чел.

Распространенным видом наказаний, указанным в приказах, были взыскания от командира батальона. Право командира налагать такие взыскания регламентировалось статьей 32-й Устава дисциплинарного, предоставлявший ему те же права при наложении взысканий, что и у командира полка (при условии, что батальон – отдельный); в свою очередь, они регламентировались статьей 29-й той же главы³.

Отлучка являлась основной формой дезертирства в тыловых частях; в Воинском уставе о наказаниях она определялась как «самовольное оставление места служения» без цели «уклонения от военной службы вообще» [10, с. 236]. В военное время самовольная отлучка из подразделения, не находившегося на театре военных действий, каралась дисциплинарным взысканием, если продолжалась не более трех дней [10, с. 245]. На практике данное правило нередко нарушалось – командир ограничивался дисциплинарным взысканием даже тем из солдат, кто отлучился надолго. Так, 8 декабря 1915 г. были исключены из списков батальона отлучившиеся Дмитрий Аксенов, Моисей Герасимов и Яков Трубачев; 15 декабря они были возвращены в списки и получили по 11 суток строгого ареста с постановкой под ружье каждый. Таким образом, они находились в отлучке не менее недели, но до суда дело не дошло. Чаще всего солдаты попадали под наказание в 5–7 суток заключения на гауптвахте; срок заключения мог составлять от 2 до 20 дней.

Проблемой являлось употребление солдатами спиртного. По Воинскому уставу о наказаниях пьянство каралось дисциплинарным взысканием, до суда дело доходило лишь в случае рецидива [10, с. 379]. В связи с этим случались аресты на сроки до 15 суток⁴, а унтер-офицеры и фельдфебели за пьянство могли быть разжалованы⁵. В течение всей деятельности подразделения в годы Первой мировой войны велась борьба с распространением среди солдат азартных игр. Запрещалась игра в лото⁶, шашки, кости⁷; строго кара-

лась игра в карты, особенно на деньги, – за нее можно было получить арест на 5 суток⁸ или месячный запрет отлучаться из расположения роты⁹.

Подполковник Доброхотов тщательно следил за поддержанием отношений на основе взаимоуважения между солдатами. Особенно это касалось лиц, находящихся при исполнении служебных обязанностей, – 20 суток строгого ареста получил младший унтер-офицер Пермин за оскорбление дежурного младшего унтер-офицера Сербина¹⁰.

Остро реагировал командир 38-го батальона/полка на случаи неуважения в собственный адрес – в соответствии со статьей 51 Устава дисциплинарного, он мог арестовывать солдат и даже обер-офицеров за нарушение дисциплины в его присутствии¹¹. Одним из примеров может послужить рядовой Яков Камнев, не назвавший командира положенным титулом¹². Кроме того, случалось, что при встрече в городе солдаты не отдавали чести¹³. Командир требовал отдания чести даже в том случае, если солдат шел по улице, а офицер сидел в здании и был виден через окно.

Более серьезными нарушениями являлись драки и убийства. Рукоприкладство применялось главным образом учителями из числа унтер-офицеров; в Воинском уставе о наказаниях такого рода нарушения подпадали под статью 186 [10, с. 371]. Наносились удары, толчки в спину за самовольную отлучку¹⁴. Виновные унтер-офицеры и ефрейторы лишались своих званий, подвергались аресту, а их ротные командиры получали выговоры, комбаты – замечания. Более резкие формы насилия практиковались за пределами воинских частей. Группа солдат одной из рот во главе с фельдфебелем Минаковым избивала железнодорожного служащего; за это и другие провинности Минаков был понижен в звании до младшего унтер-офицера, а командир роты получил выговор¹⁵.

Сопровождение маршевых рот на фронт было важным направлением деятельности тыловых частей. С этой целью в эшелонах имелись вооруженные конвоиры, которые должны были пресекать все попытки нижних чинов к бегству. Так, несколько человек из 38-го полка бежали из эшелона, но были пойманы и посажены в военную тюрьму на 4 месяца¹⁶.

Для задержания отлучившихся солдат в городе назначались наряды, которые ловили солдат, не имевших служебных записок¹⁷. В деревнях таких нарядов не было; командование поддерживало связь с органами местного самоуправления, которые и сообщали о случаях беспорядков, чинимых дезертирами.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

² Россия в мировой войне 1914–1918 года: (в цифрах). М., 1925. С. 29.

³ Устав дисциплинарный: свод военных постановлений. Изд. 4-е. Исправлено и дополнено по 20 июля 1915 г. Пг.: Т-во В.А. Березовского, 1915. Кн. XXIII. С. 18–20.

⁴ ГАО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 1. Л. 80, 138.

⁵ Там же. Д. 9. Л. 63.

⁶ Там же. Д. 3. Л. 164.

⁷ Там же. Д. 22. Л. 449 об.

⁸ Там же. Д. 31. Л. 26 об.

⁹ Там же. Д. 34. Л. 818.

¹⁰ Там же. Л. 78.

¹¹ Устав дисциплинарный: свод военных постановлений. Изд. 4-е. Исправлено и дополнено по 20 июля 1915 г. Кн. XXIII. С. 32.

¹² ГАО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 4. Л. 84, 96.

¹³ Там же. Д. 12. Л. 506.

¹⁴ Там же. Д. 16. Л. 58.

¹⁵ Там же. Д. 16. Л. 133.

¹⁶ Там же. Д. 9. Л. 104.

¹⁷ Там же. Д. 1 Л. 114.

Как видно из вышеизложенного, батальонный или полковой суд был своего рода высшей инстанцией в системе наказаний. Если за первую отлучку солдат подвергался аресту со стороны командира роты, за вторую – командира батальона, то за третью – попадал под юрисдикцию суда¹⁸. Помимо отлучек, солдаты могли оказаться под судом за длительную неявку на сборный пункт, оскорбления, кражи, нарушения дисциплины.

Всего в имеющихся источниках содержится информация о судебных разбирательствах над 90 военнослужащими части. Как правило, наказанием беглым солдатам служило заключение в одиночной камере военной тюрьмы в течение двух – четырех месяцев, иногда с санкционированным применением телесных наказаний, что сопровождалось «потерей некоторых прав и преимуществ по службе» [10, с. 27]. В особо тяжелых случаях подсудимого могли отправить на несколько лет на каторгу или в дисциплинарную часть.

Приговор суда зависел от множества факторов. Если солдат совершил несколько правонарушений, то в силу вступал наиболее жесткий из приговоров. Прямой зависимости приговора от срока отлучки не было – 4 месяца заключения в военной тюрьме можно было получить как за трое суток, так и за 19 месяцев отсутствия. Главными критериями при определении приговора, согласно Военному уставу о наказаниях, считались наличие рецидива, а также добровольная явка. Именно последняя влияла на смягчение [10, с. 248]. Срок отбывания тюремного заключения откладывался, как правило, до конца войны¹⁹. Это вызывало неправильную реакцию у солдат, полагавших, что наказание отменяется вовсе или заменяется неизбежной отправкой на фронт²⁰. Возможно, это было вызвано также тем, что отправка на фронт действительно была мерой наказания для ратников пополнения²¹.

Таким образом, спектр правонарушений, совершаемых нижними чинами, не исчерпывался отлучками, известны были случаи рукоприкладства, грубости, неуважения к начальству и т.п. Иногда правонарушения были спровоцированы офицерами полка, немало из них отличались низкой квалификацией, бескультурьем.

Если принять во внимание, что 51 дисциплинарное взыскание и отправка в батальонный суд, инициированные командиром батальона в течение первого указанного нами этапа, накладывались на тех солдат, кто уже совершил ранее одно нарушение, то мы получим минимальное значение количества нарушений на этом этапе – 102. Максимальное возможное количество остается неизвестным, так как нет данных о количестве нарушителей, ограничившихся одним нарушением. По тому же принципу можно рассчитать нарушения к концу второго этапа, а учитывая, что солдаты попадали под суд за третье нарушение, то минимальное количество нарушений будет 270. Таким образом, минимальное соотношение количества нарушений и военнослужащих –

1,6 % для первого этапа и 3,5 % для второго. Рост доли количества нарушений можно объяснить затяжным характером войны и тем, что второй показатель частично включал в себя первый – гипотетическое второе нарушение солдата, попавшего под суд за третье нарушение на втором этапе, могло быть совершено на первом этапе, зафиксировано в приказе по батальону и, таким образом, попасть в первый числовой показатель.

Распространению дисциплинарных нарушений способствовало и то, что законы, хотя и были ужесточены военным временем, в тыловых регионах работали слабо. В первую очередь причиной этого был сам факт отложенного наказания (в виде заключения в военную тюрьму по окончании войны), в результате чего такое наказание не воспринималось как угроза в ближайшей перспективе. Увеличение длительности срока заключения в связи с военным временем также не исправляло ситуации и зачастую нивелировалось фактом добровольного возвращения беглецов в часть, а это снижало срок заключения. Вследствие статуса Сибири как тылового района большинство преступлений, каравшихся смертной казнью в боевой обстановке, здесь карались другими, более мягкими наказаниями.

Таким образом, нами обозначены факторы, способствовавшие развитию в тылу дисциплинарных проблем. Тем не менее батальон (а впоследствии полк) долгое время исправно отправлял пополнения на фронт, что является главным свидетельством того, что ситуация оставалась в целом удовлетворительной. Рост количества нарушений также был умеренным. Настоящий кризис в функционировании подразделения наступил позже, в 1917 г., что было вызвано политическими событиями, нарушившими работу и тыла, и фронта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пирейко А.* В тылу и на фронте империалистической войны: Воспоминания рядового. Л., 1926. 65 с.
2. *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. 126 с.
3. *Баталов, А.Н.* Борьба большевиков за армию в Сибири, 1916 – февраль 1918. Новосибирск: Наука, 1978. 283 с.
4. *Шайнак Л.А.* Рост антивоенных настроений солдат как отражение кризиса Русской армии в годы Первой мировой войны // Вестн. Воен. ун-та. 2007. № 1(9). С. 92–99.
5. *Оськин М.В.* Российские дезертиры Первой мировой войны. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 5(60). С. 46–60.
6. *Шиловский М.В.* Первая мировая война и Сибирь (военная сфера): поиск новых подходов // Сибирские исторические исследования. Томск, 2013. № 1. С. 43–55.
7. *Шиловский М.В.* Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.
8. *Астаиов А.Б.* Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4. С. 44–52.
9. *Симмонс П.* Борьба с дезертирством и добровольной сдачей в плен в русской армии в годы Первой мировой войны. // Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова. М.: Изд. дом «Регнум», 2012. 768 с.
10. *Анисимов А.* Военный устав о наказаниях (СВП 1869 г., кн. XXII, изд. 4). Изд. 12-е, испр. и доп. Пг., 1917. 521 с.

¹⁸ ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 16. Л. 58.

¹⁹ Там же. Д. 22. Л. 27.

²⁰ Там же. Д. 7. Л. 133.

²¹ Там же. Д. 8. Л. 108.

REFERENCES

1. *Pireiko A.* In the rear and at the front of the imperialistic war: The memories of a private. Leningrad, 1926, 65 p. (In Russ.)
2. *Akhun M.I., Petrov V.A.* The Tsarist army during the imperialistic war. Moscow: Publ. house of All-Union Society of Political Prisoners and exile-settlers, 1929, 126 p. (In Russ.)
3. *Batalov A.N.* Bolsheviks' struggle for the army in Siberia, 1916 – February 1918. Novosibirsk: Nauka, Branch, 1978, 283 p. (In Russ.)
4. *Shaypak L.A.* The rise of antiwar sentiments of the soldiers as a reflection of the crisis of the Russian army during the First World War. *Vestnik Voennogo universiteta*. 2007, no. 1, pp. 92–99. (In Russ.)
5. *Os'kin M.V.* The Russian deserters of the First World War. *Vesnik PSTGU II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi tserkvi*, 2014, vol. 5, pp. 46–60. (In Russ.)
6. *Shilovsky M.V.* The First World War and Siberia (the military sphere): searching new approaches. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. Tomsk, 2013, no. 1, pp. 43–55. (In Russ.)
7. *Shilovsky M.V.* The First World War of 1914–1918 and Siberia. Novosibirsk: Autograph, 2015, 330 p. (In Russ.)
8. *Astashov A.B.* The desertion and the struggle against it in the Tsarist army during the First World War. *Rossiiskaya istoriya*. 2011, no. 4, pp. 44–52. (In Russ.)
9. *Simmons P.* The struggle against desertion and voluntary surrender in the Russian army during the First World War. *Velichie i yazvy Rossiyskoy imperii: Mezhdunarodnyi nauchnyi sbornik k 50-letiyu O.R. Ayrapetova*. Moscow: Regnum, 2012, 768 p. (In Russ.)
10. *Anisimov A.* The Military Code of penalties (SVP 1869, vol. XXII, ed. 4). 12th ed. Petrograd, 1917, 521 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 02.02.2017*